

УДК 130.2

Фаленкова Евгения Владимировна

канд. филос. наук, старший преподаватель
кафедры философии и истории, ФГБОУ ВПО
Уральский государственный университет путей
сообщения (г. Екатеринбург)
E-mail: janeg-ok@mail.ru

Falenkova Yevgeniya Vladimirovna

Candidate of Philosophy, Senior Lecturer
at the Chair of Philosophy and History, Ural State
University of Railway Transport (Ekaterinburg)

**ДУХОВНЫЙ ПУТЬ СТРАННИКА
В ФИЛОСОФСКО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ТОЛСТОГО**

**SPIRITUAL JOURNEY
OF A WANDERER
IN L. TOLSTOY'S PHILOSOPHICAL
AND ARTISTIC CREATION**

Аннотация

Путь осмысления писателем странничества начался со светской трактовки этого феномена, что нашло отражение в его художественных произведениях раннего периода. Впоследствии, перейдя к размышлениям религиозно-философского содержания, мыслитель углубил свое понимание странничества в русле богоискательства, о чем свидетельствуют его поздние художественные произведения, публицистика, дневники.

Ключевые слова: духовность; путь; странник; странничество; поиск; художественное творчество; богоискательство; богостроительство.

Abstract

The article analyzes L. Tolstoy's literary works of the early period that reflected the writer's interpretation of wandering as a secular phenomenon. Later, moving on to religious and philosophical contemplations, the thinker made his understanding of God-seeking wandering more profound in line with the Russian God-seeking movement, as his late works of art, journalistic reviews, diaries witness.

Key words: spirituality; journey; wandering; searching; artistic creation; God-seeking; God-building.

Странничество как интенция духовного поиска и элемент религиозной культуры имеет широкое системное и целостное осмысление. История постановки вопроса берет начало в патристике и богословии.

Странничество находилось в русле православной традиции, закреплённой исторически. Древнерусское сознание перенимает опыт первых христианских странников, подражающих Христу, не имевшему места «где преклонить голову» [Мф., 8.20] и учившему не «собирать» сокровищ на земле, «где моль и ржа истребляют и где воды подкапывают и крадут», а полностью предаться воле Божьей, «искать прежде Царства Божия и правды Его» [Мф., 19:34].

На Руси к странникам почти всегда, за крайне редким исключением, относились благожелательно. Данное явление воспринималось как духовный подвиг, на который способны не многие люди, а значит, не такие, как все, иные. Инаковость – одна из самобытных черт странника.

Таким образом, как феномен странничество сформировалось в русле религиозной культуры.

В словаре В. Даля «странник – богомolec, нищий»; С. И. Ожегова «странник – человек, странствующий пешком, ходящий на богомолье»; в святоотеческом толковании «странник – христианин, уверенный в действиях промысла Божия, покоряется святой воле Его и познает, что в здешней юдоли он есть странник, идущий в свое Отечество» [1].

К середине XIX века, в связи с интенсивными духовными поисками в русском обществе, трактовка этого явления приобрела светский характер. К началу XX века феномен странничества получил философское осмысление, что нашло отражение в трудах крупных представителей русской философской мысли конца XIX – первой половины XX века.

Странничество, несмотря на то что в ряде исследований [2. С. 3] представлены попытки соотнести его с такими девиациями, как бродяжничество и тунеядство, есть явление самостоятельное, его сущность связана с религиозными и духовными исканиями человека.

Л. Н. Толстой осмысливал феномен странничества в русле действующей культурной традиции своего времени. Путь осмысления писателем странничества начался со светской трактовки этого феномена, что нашло отражение в его художественных произведениях раннего периода. Впоследствии, перейдя к размышлениям религиозно-философского содержания, мыслитель углубил свое понимание странничества в русле богоискательства, о чем свидетельствуют его поздние художественные произведения, публицистика, дневники. Его путь духовного странничества на стадии богоискательства был самостоятельным. Он связал устремленность к Богу с обретением смысла жизни. В трактовке Л. Н. Толстого целью богопознания является не забота о том, что будет с душой человека после смерти, а правильность земной жизни в виде благих дел и единения душ людей. Понимание этого подвигло Толстого на собственную трактовку священных текстов и оценку с этих позиций церковных обрядов. Как следствие, на стадии богостроительства он пошел по пути реформации, что привело к разрыву с Русской православной церковью. В соответствии с этим мы выделяем этапы эволюции в осмыслении Л. Н. Толстым странничества:

- этап художественной деятельности (1852–1878);
- этап богоискательства и реформаторства (1878–1887): «Исповедь», «Исследование догматического богословия», «Соединение и перевод четырех Евангелий»;
- этап богостроительства (1887–1910): «О жизни», «Религия и нравственность», «Христианское учение», «Путь жизни».

Проблема странничества как пути духовного осмысления человеком своего душевного естества представлена в творчестве Л. Н. Толстого в двух параллельных срезах: дневниках и собственно художественно-философских произведениях. Это показывает, что в своем собственном пути духовного странничества Л. Н. Толстой все время выходил за границы личного опыта, расширяя его за счет художественных образов странников. Описывая различные версии выбора ими стези жизни, художник осмыслял различные варианты пути странника.

Л. Н. Толстой создал модель странничества в виде стратегии пути странника. Этот путь начинается с «ухода» героя, чем он «сообщает» об абсолютном неприятии окружающей его действительности, и проходит через следующие этапы: падение (как потеря человеком смысла жизни) – преображение (как поиск его) – воскресение (как обретение смысла жизни). Каждый этап открывает герою последующую цель его странствия, что обеспечивает динамику его духовного развития.

Тексты позднего Л. Н. Толстого несут проповеднический, моральный, дидактический концепт, а потому история странника должна обрести развязку, подойти к своему определенному итогу. Путь знакового героя Л. Н. Толстого лежит через уход, и автор определяет стратегию движения «своего» странника.

Специфика художественного приема Л. Н. Толстого, который можно обозначить как «стратегия пути», заключается в том, что вначале знаковый герой не видит цели своего странствия. По замыслу автора, странник формирует цель пути уже в процессе движения. Однако постепенно, преодолевая каждый из обозна-

ченных этапов пути, странник начинает видеть желаемую цель и стремится к ней уже осознанно («Посмертные записки старца Федора Кузмича», «Отец Сергей», «Воскресение»).

В своих философских размышлениях Л. Н. Толстой обращается к значению проблемы падения человека, закрепленной в христианской традиции, и придерживается ее. Сравним трактовку слова «падение» богословами и Л. Н. Толстым.

Преподобный Исаак Сирин пишет: «По причине падения тело вступило в ряд с телами животных. Оно служит для души темницею и гробом. Нужно очищение себя тщательным покаянием, нужно ощутить хотя бы в некоторой степени свободу и высоту состояния духовного» [4. С. 163].

По мысли Л. Н. Толстого, падение – это преступление духовного закона – грех. Он искупается раскаянием: «Падение и раскаяние и неизбежны, и необходимы как спасительное “лекарство” от самомнения и гордыни. Чувства отчаяния и вины не отдаляют, а приближают человека к Богу, к смыслу жизни» [5. С. 89]. Л. Н. Толстой акцентирует внимание на проблеме мертвости и грубости чувств человека, атрофировавшихся из-за его потребности в исключительно материальных благах, когда он забывает о потребностях души.

Противостояние человека условиям духовного падения, сформированным и узаконенным светскими и политическими условиями жизни общества, – одна из основных тем творчества Л. Н. Толстого конца XIX – начала XX века. Именно она стоит в центре драмы «Живой труп» (1900), повестей «Крейцера соната» (1889), «Отец Сергей» (1890–1898), «Фальшивый купон» (1904) и ряда других произведений. Писатель с особой кропотливостью описывает условия, при которых совершается процесс внутреннего, духовного падения человека: существование армий и тюрем («Фальшивый купон», «После бала»), засилье невежества, умственного мрака («Власть тьмы»), развязность и развращенность светского общества («Воскресение»).

Падение знакового героя Л. Н. Толстого происходит по причине религиозного кризиса, его духовное преображение также носит религиозный характер.

После падения, которое является в повествовании художника обязательным условием, знаковый герой становится странником, «уходящим» к новой жизни. При этом он может либо действительно уйти (как, например, отец Сергей или Федор Кузмич), либо остаться (Николай Иванович в «И свет во тьме светит», Иван Васильевич в «После бала»). Независимо от выбранного действия, он оставляет высший свет, близкое окружение, материальные блага, тем самым «умирая» для общества. Следующий этап – духовное возрождение, или преображение.

Духовное возрождение совершается после изменения духовного естества человека, когда он начинает жить по законам духовным – герой «чистит душу» покаянием, в молитве обретает крепость, осознает вину и греховность своей предшествующей жизни.

В каждом позднем произведении автора мораль определена религией, любое повествование художник начинает с цитат из текстов Евангелия, «Псалтири» и «Посланий апостолов» (например, «Крейцера соната», «Чем люди живы», «Власть тьмы», «Кающийся грешник»). Помимо этого, терминология религиозного содержания свидетельствует, что Л. Н. Толстой акцентирует внимание не столько на моральном или нравственном преображении героя, как предполагают исследователи [6], сколько на духовном, которое определяется религией, так как достигается путем некой формы аскезы.

В связи с этим целью позднего Л. Н. Толстого – и как художника слова, и как мыслителя – становится богостроительство: поиск Истины христианства и соответственно всей догматики учения. То, что Христос взял в ученики людей обычных, без званий и степеней («В чем моя вера?»), стало для Л. Н. Толстого важным

моментом. В художественных текстах писателя нет сложной для понимания неграмотного крестьянина философской или богословской терминологии, за что многие из современников упрекали его в невежестве (например, С. Булгаков, И. А. Ильин, К. Н. Леонтьев). Терминологическую базу назидательных, проповеднических текстов Л. Н. Толстого заменяют многочисленные образы странников, которые открывают и принимают христианство как вероучение, преображающее даже самого безнадежного грешника, такого как, например, Степан Пелагеюшкин – «жестокий и равнодушный человекоубийца».

Заключительный этап духовного странствования своего героя Л. Н. Толстой видит в его духовном воскресении. Пройденные этапы жизни толстовского странника – падение, преображение – завершаются воскресением, которое венчает его духовный поиск. Тем самым художественно реализуется идея автора, что только «страданиями и испытаниями человек может приблизиться к совершенству и очиститься от греховного своего состояния» [7. С. 152].

Чаще всего постановка вопроса о воскресении в творчестве позднего Л. Н. Толстого приводит исследователей к художественным образам одноименного романа. Однако понятие «воскресение» многограннее для самого писателя на столько же, на сколько и само слово «воскреснуть»: «выйти из состояния упадка, почувствовать прилив новых сил»; «вернуть жизнь умершему, предать силы, бодрости, оживить... Освящение ума есть воскресение души» [8].

Воскресение для Л. Н. Толстого – это обретение духовной свободы (когда поиск завершен), освящение ума светом Истины, познание своей духовной сущности, смысла своего земного предназначения. Воскресшая душа подлинно свободна потому, что человек приносит себя в жертву ради других и способен бескорыстно служить высшим идеалам, – считает мыслитель. И все же для каждого странника автор определил свое «воскресение», но при обязательном условии – исполнении духовного закона.

Духовно-религиозный путь странника (от падения к воскресению), представленный писателем, единичен и уникален. Падение, которое становится обязательным условием преображения и воскресения, автор вводит с целью наглядного примера сакральной силы Евангелия («Фальшивый купон»), морали и нравственности, основанной на истинной религиозности («Отец Сергей»), силы молитвы, покаяния.

Например, в драме «Власть тьмы, или Коготок увяз всей птичке пропасть» воскресение Никиты заключено не столько в раскаянии, сколько в акте его природного покаяния, обличении себя, озвучивании каждого своего преступления, в отсутствии страха перед наказанием и людьми: «Говори, дитяtko, все говори, легче будет. Кайся Богу, не бойся людей. Бог-то, Бог-то!» [9]. Вместе с Никитой на собственной свадьбе к покаянию приходит и Акулина, соучастница убийства своего новорожденного ребенка. Здесь поступок одного человека влечет исправление остальных – это, по замыслу автора, и есть реализация духовного закона.

Таким образом, художественный прием Л. Н. Толстого, обозначенный нами как стратегия пути странника, позволяет более подробно увидеть позицию Л. Н. Толстого в вопросе преодоления духовно-религиозного кризиса, в котором оказалось не одно поколение.

Герои Л. Н. Толстого, равно как и ситуации, влияющие на их дальнейший выбор, разнообразны, в связи с чем нельзя считать, что путь от падения к воскресению есть лишь схема, по которой одинаково следуют все персонажи художника. Позиция автора заключена в художественной передаче условий прохождения тех жизненных этапов, посредством которых знаковый герой может преодолеть состояние духовного упадка, потери смысла жизни, одиночества, отчужденности, безразличия, греховности, но при условии: если он сам сознает свое положение

как таковое; если нет – на его пути появляются другие персонажи, которые заставляют его задуматься.

Религиозный поиск Л. Н. Толстого стал квинтэссенцией религиозных, духовных и нравственных ориентиров целой эпохи. Призыв яснополянского философа к воспоминанию о самых естественных, а потому не требующих мудрствования поступках (со ссылкой на Нагорную проповедь Христа) получил мощную поддержку со стороны общественности. Мотивы странничества как устремленности к новой реальности, стирающей противоречия между внутренним и внешним миром героя, «путь» знакового героя, обогащающий, нравственно возвышающий его, при этом подкрепленный примером самого автора, не мог не отозваться в душе людей мощным импульсом к развитию их сознания.

Литература

1. Преподобный Макарий Оптинский. Письма к мирским особам. – М. : Отчий дом; Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь, 2009.
2. Шляков А. В. Бродяжничество как феномен повседневной культуры : дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. – Тюмень, 2009.
3. Пентюхов А. В. Бродяжничество как социальное явление: Генезис, технологии предупреждения и регулирования : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. – Нижний Новгород, 2005.
4. Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2012.
5. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. – М. : Художественная литература, 1952. – Т. 51 : Дневник и записные книжки 1890.
6. Гаричева Е. А. «Христос воскресил меня». Категория преображения личности в романах Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс] // Православный паломнический портал «Паломник». – URL: http://palomnic.org/bibl_lit/obzor/dostoevsky (дата обращения: 19.01.2014).
7. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. – М. : Художественная литература, 1937. – Т. 55 : Дневники, записные книжки и отдельные записи Л. Н. Толстого за 1904–1906 гг.
8. Преподобный Симеон. Новый Богослов Творения : в 3 т. – Т. 1. – М. : Издание Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1993.
9. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. / под ред. М. Б. Храпченко ; [коммент. Ю. П. Рыбаковой]. – М. : Художественная литература, 1982. – Т. 11: Драматические произведения 1864–1910.